

Нина Владимировна Тонких родилась в городе Воронеже. Окончила Российский государственный торгово-экономический университет, Московский государственный социальный университет. Кандидат исторических наук. Работала преподавателем в РГТЭУ, бухгалтером в коммерческих структурах. В настоящее время – редактор журнала «Подъём». Печаталась в региональных изданиях, научных альманахах и сборниках, в журнале «Подъём». Автор книги «Ловцы снов». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Нина Тонких

СМЕРТЬ — НЕ ПОВОД, ЧТОБЫ ПЕРЕСТАТЬ ДРУЖИТЬ...

Вспоминая Виктора Никитина

НЕДОСТАТОЧНОЕ УСЛОВИЕ

Постулат из математики: есть условие достаточное, а есть необходимое. Для меня эти строки — необходимый минимум, долг и потребность отдать дань памяти необыкновенного человека, коим, без сомнения, был Виктор Николаевич Никитин.

Нет, что бы ни написала, конечно, этого будет недостаточно, чтобы выразить боль утраты по поводу ухода Виктора Николаевича. Он был не просто старшим товарищем и коллегой, родственным по духу, взглядам и мировоззрению, добрым и отзывчивым человеком, профессиональным редактором и, не побоюсь пафосного эпитета, гениальным и недооцененным при жизни писателем. Он был особенным, отличным от всех, обитающим в каких-то иных, вышних сферах. И мне повезло, пусть даже на небольшом отрезке времени, соприкоснуться с его миром.

ВНАЧАЛЕ БЫЛ ГОЛОС

Тогда не все еще пользовались электронной почтой, да и не все адреса у меня были. И вообще, принято было «обзванивать» — приглашать членов Воронежского регионального отделения Союза писателей России на заседания.

В писательском списке значилось: «Виктор Николаевич Никитин. Член Союза писателей России с 2003 года».

— ...Здравствуйтесь. Виктор Николаевич? (В те беспечные времена после подобных вопросов еще не сердились и не бросали трубку.)

— Да, слушаю.

— Меня зовут Нина Тонких, я секретарь Воронежского отделения Союза писателей России. Приглашаем вас на общее собрание, которое состоится...

— Хорошо, я приду.

Загадочный Виктор Николаевич. Приятный спокойный голос, но... Но все-таки какой-то загадочный этот Виктор Николаевич.

А уж когда увидела... Высокий. Да что уж там — очень высокий! В длинном черном плаще. Стояла глубокая промозглая осень, все в куртках, а он — в плаще. С черным же кожаным портфелем в руках. И правда, какой-то непростой, будто не отсюда. Подумала, что он похож на чиновника. Строгий, серьезный, на вид даже суровый.

РАССКАЗЫ

Позже я написала несколько рассказов и отнесла их в редакцию журнала «Подъём». Виктор Николаевич, по приглашению директора-главного редактора Ивана Александровича Щелокова, уже работал там редактором отдела прозы. Но дело было летом, и оказалось, что Никитин в отпуске. Коллеги положили мои распечатки ему на стол.

Наступила осень. Я не то чтобы забыла о тех рассказах, но особо не торопилась. Понимала, что желающих напечататься много и, наверное, редактор просто не дошел до моей рукописи. Звонить и спрашивать: «Ну как вам? Прочитали? А напечатаете?» — неудобно. А вдруг прочитал и не понравилось...

(Вот, кстати, отмечу, как много зависит от личности редактора, его принципиальности, требовательности. «Некого печатать», — грустно вздыхал порой Виктор Николаевич, буквально заваленный ворохом электронной (и не только) «макулатуры».)

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЭТО НИКИТИН

Мы с Юрием Митрофановичем Кургузовым работали тогда в доме на Никитинской (вот же совпадение!), 22. Небольшой старинный особнячок в центре города, с разрушающимся фундаментом и треснувшими стенами стал временным пристанищем воронежских литераторов. Ну да ладно, сейчас не об этом.

А у нас закрытый двор, обнесенный кирпичной стеной, обвитой диким виноградом, который после лета готовился к зиме и менял свой обычный зеленый колер на иссиня-пурпурный. Это придавало нашему несостоявшемуся Дому литераторов особый шарм.

Как-то после обеда, ближе к концу дня (правда, в окна еще искоса светило яркое, по-осеннему желтое-оранжевое солнце), раздался звонок домофона. Я сняла трубку.

— Здравствуйтесь. Это Никитин, — сказал домофон.

Я очень удивилась.

А он вошел.

— Я к тебе.

Удивилась еще сильнее.

Он же начал говорить, что ему понравились мои рассказы. Отмечал, какие моменты посчитал наиболее удачными, сравнивал манеру повествования с текстами Андрея Платонова и Леонида Андреева.

Писатель Виктор Никитин

— Ты же читала Леонида Андреева?

Я неопределенно пожала плечами.

— Да ладно, наверняка читала. «Кусаку» помнишь? В школе проходят.

Конечно, «Кусаку» я вспомнила.

— У Андреева отличные рассказы. К примеру, «Сказ о семи повешенных». Или «Бездна». Проза малой формы, между прочим, как у тебя. Обязательно прочти и обрати внимание на язык.

Виктор Николаевич поведал, что в свое время, когда был таким же начинающим прозаиком, тоже пришел в редакцию «Подъёма» со своими произведениями. И с теплом вспоминал, как радушно принял и поддержал его бывший тогда главным редактором И.И. Евсеенко. Теперь же сам Виктор Николаевич считает своим долгом помогать молодым авторам.

«ПОДЪЁМ»

С тех пор, приходя по работе в «Подъём», я неизменно наведывалась в кабинет редактора прозы. Виктор Николаевич всегда встречал приветливо. Высокий, с длинными, по росту, руками и ногами, он долго вставал с офисного кресла, не по его масштабу низкого. Да и вокруг все казалось маленьким, неубедительным. А когда журнал переехал из маленького уютного особнячка на проспекте Революции, 3 в гораздо менее уютное трехэтажное здание на Кольцовской, где редакция разместилась на последнем этаже, Виктор Николаевич сетовал, что больно неудобно ему подниматься по ступенькам: уж слишком они узкие.

ИГРА С НЕЗНАКОМЦЕМ

...Потом он подарил мне свою книгу «Игра с незнакомцем». Я прочитала, и, конечно, мы говорили о ней.

— ...Виктор Николаевич, это похоже на сны.

— Так и есть. Там большая часть, если не все, — сны.

Я опешила:

— А как же «муки творчества», фантазия, наблюдения?

— Но зачем?! — искренне удивился Виктор Николаевич.

— И кстати, у вас есть рассказы практически без сюжета.

— Разве кто-то сказал, что непременно должен быть сюжет? Можно и без него

обойтись... Да ладно мои рассказы! А ты почитай французов — «Новый роман». Там нет сюжета, только описание, передающее настроение, атмосферу.

Еще ему нравились итальянские авторы: Дино Буццати, Чезаре Павезе, Луиджи Малербой и другие. С воодушевлением пересказывал он содержание романа «Пустыня Тартари».

А однажды Виктор Николаевич занялся очень необычным делом — писал либретто для оперы! Его дочь, Екатерина Баева, переводчик с итальянского, дала Виктору Николаевичу «подстрочник», который он переводил в стихи и занимался этим с невероятным вдохновением, с удовольствием зачитывая отрывки.

ПИШИ, НИНА

— ...Пиши, Нина, пиши. Не дай пропасть таланту!..

От таких слов становилось неловко, но не стану отрицать, приятно.

— Я тебе расскажу, где черпать вдохновение. Просто садись и пиши. Обо всем, что видишь вокруг. Главное — начать, а там само пойдет.

Это у вас, дорогой Виктор Николаевич, «само идет». У меня так не получается. Принесла ему очередную подборку рассказов. В итоге в журнал прошел один...

— Нина, ну нет. Ну не то, — с мягкой улыбкой. Была у него такая скромная улыбка. — Как часть какой-то большой вещи, может, и сойдет, но отдельным рассказом — нет. Тема же избитая, а должно быть что-то... как тебе объяснить... Что-то, что цепляет, заинтересовывает...

Он был (да как же горько писать о Викторе Николаевиче в прошедшем времени) настоящим интеллигентом. Образованным, начитанным, эрудированным, тактичным, с хорошими манерами.

И, повторюсь, — эта особенная улыбка. В которой и доброта, и понимание, и принятие. Ни капли суетливости, спокойствие, плавные жесты, движения, несмотря на рост. Не было в нем присущей многим очень высоким людям нескладности. Весь его облик говорил о гармонии и равновесии. «Я достиг дзена», — шутил Виктор Николаевич.

«— Завел бы себе нового друга.

— Легко сказать... Заводят собак, а друзей...»

(Из романа В.Н. Никитина «Исчезнут, как птицы».)

Так мы стали общаться. Чаще всего втроем: Виктор Николаевич, Юрий Митрофанович Кургузов и я. В беседах иногда образовывался «квартет»: к нам присоединялся Илья Константинович Вовчаренко — верстальщик «Подъема», с которым Виктор Николаевич работал в одном кабинете.

Мы бывали на разных мероприятиях: награждения Виктора Николаевича (и мои тоже), презентации книг наших коллег, первомайские шествия, субботники. Случались теплые, душевные посиделки в редакции по поводу дней рождения и других праздников.

ВЫ ГЕНИЙ, ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ!

Он подарил мне еще одну книгу. Сказал, что она есть в электронном виде, но он нашел и бумажный экземпляр. Это был роман «Исчезнут, как птицы».

— Сначала может показаться скучновато, однако потом должно затянуть, — сказал, вручая книгу.

Затянуло, Виктор Николаевич, еще как затянуло! Впечатлило! Прочитала, решила высказать свое мнение: «Это шедевр! Вы — гений, Виктор Николаевич!»

Он, конечно, скромно отмалчивался, только улыбался. Но, думаю, все понимал и сам.

— А почему-то на сайте роман размещен с пометкой «18+».

— Может, из-за матерного слова?

— Матерного слова? У меня?! — искреннее изумление. — Какого же слова, Нина?

— Ну, как вам сказать... Ну, в описании взгляда...

— Ааааааа, — протянул он и уже хитренько прищурился, — «льдинка»? Да, вспомнил, «льдинка»! И что уж такого...

— Вообще-то, главный герой это вы?

— Не так, чтобы совсем... Собирательный образ, но от меня, конечно, многое. Я же поступил сначала в институт и отучился. Даже пошел работать по специальности...

— Как же вы работали?

— Тяжело, но целых десять лет продержался. Понял, в конце концов, что так продолжаться не может. Уволился. И начал писать рецензии на фильмы — всегда любил кино. Эти заметки стали публиковать в газете «Камелот», помнишь такую? Сначала я работал удаленно, потом позвали в офис. А затем пригласили редактором в интернет-издательство «Переплет».

— А вот «толстый Гостев». Почему именно толстый?

— Нужно было выделить некую особенность. Причем такую, чтобы ему мешала. У меня было... Но не мог же я напрямую сделать своего героя похожим на себя. Поэтому он стал толстым.

«Быть серьезным — значит покоряться обстоятельствам».

(Из романа В.Н. Никитина «Исчезнут, как птицы».)

Отдельно скажу о юморе. Тонкий, искрометный, интеллектуальный, Виктор Николаевич был веселым человеком, чего не скажешь по его серьезным, порой весьма пессимистичным, даже мрачным произведениям.

И смеялся он заливисто и заразительно. От души, искренне. Как, впрочем, и все, что он делал, — искренне.

Еще в начале нашего общения, вспоминая о своем пребывании в ранге молодых литераторов, Виктор Николаевич рассказывал, как ездил на совещание в подмосковные Липки.

«Там нас было довольно много — начинающих писателей. Зачитывали, обсуждали. И Прилепин был, и Шаргунов... Прилепин скромненько так сидел в углу, молчал. Уже тогда был лысым. А Шаргунов удивил. Совсем юный еще, лет восемнадцать. Встал, вышел и серьезно так говорит: «От лица своего поколения...»

И вот, представляешь, в разгар его выступления вдруг раздался шум, с грохотом вылетела дверь, и в зал ворвались люди в камуфляжной форме. Окно разбили, двое запрыгнули через образовавшийся проем, угрожая автоматами, положили всех на пол. А я как раз был у окна. Вскочил и выпрыгнул в темноту. Только меня и видел. Бегу, вижу: склеп Пастернака. Ну, я в нем и схоронился. Присидел до утра...»

Тут я насторожилась:

— Какой еще склеп Пастернака?

— Нуууу, — пожал плечами Виктор Николаевич. — Не знаешь, что ли? Там же Пастернак похоронен.

— И вы всю ночь просидели в склепе? — уже более недоверчиво спросила я.

— Да, а как светать начало, пошел домой.

— И за вами не бросились в погоню?

— Не, ну стреляли след... Ты что, не веришь, Нина?! — наигранно возмутился Виктор Николаевич.

Я никогда не видела его в плохом настроении. Расстроенным, встревоженным — бывало. Но никогда — злым, раздражительным. Нет, негатив — это не про Никитина.

МЫ ДРУЖИЛИ

Я однажды поинтересовалась у Виктора Николаевича (ввиду разницы в возрасте, эрудированности и проч.): могу ли считать его своим другом?

— Конечно, Нина, о чем ты? Какие вопросы...

ЛЮБИМЫЕ ФИЛЬМЫ

А сколько фильмов он знал! Не зря это было одно время его работой. До сих пор, посмотрев какой-нибудь фильм минимум пятилетней давности, захожу на отзывы на «Яндексе». Вдруг об этой ленте что-нибудь писал Виктор Николаевич. Так было, например, с картиной «Амели». Фильм вышел аж в 2001 году, а я посмотрела его гораздо позже, когда болела ковидом. И как же удивилась, наткнувшись на отзыв Виктора Николаевича!

ВЕНГЕРСКАЯ ПОЧТА

Осенью 2016 года Виктор Николаевич начал новое большое произведение. «Роман — это дело “романистое”... Я, если две страницы в день напишу, очень доволен делаюсь. Однако 178 написано (это если считать как 30 строк и 60 знаков в строке, привычка, оставшаяся от машинописи). Ну, так, я думаю, надо всего 500 или 600 страниц. В общем, долго еще...».

А в сентябре 2020-го он даже уже обложку подготовил: «почтовый блок венгерской почты “Союз-Аполлон”, но измененный, преобразованный с помощью программы». Это была вторая книга, где он сам делал обложку. На сборнике «Жизнь в другую сторону» — изображение дачного дома Виктора Николаевича, тоже преобразованное с помощью программы.

29 сентября мы с Юрием Митрофановичем позвонили Виктору Николаевичу. Он лежал в больнице с ковидом. Отвечал негромким, но твердым голосом, говорил, что ему лучше и, похоже, пошел на поправку. Последними его словами были: «Нина, береги себя. Носи маску, не ходи на людные мероприятия и не ездь в маршрутках...»

...Роман «Венгерская почта» был издан уже после смерти В.Н. Никитина благодаря единодушному ходатайству членов правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России под руководством И.А. Щелокова, при финансовой поддержке департамента культуры Воронежской области.

В силу ряда объективных причин, мы с коллегами из журнала «Подъём» смогли посетить могилу Виктора Николаевича только через два года. Семья поставила красивый памятник в виде раскрытой книги, на гранитной странице которой можно писать перманентным маркером. Дочь Виктора Николаевича Екатерина Баева специально взяла такой с собой. И коллеги доверили мне вывести на каменной странице памятные слова от всех нас: «Твоя жизнь была стремительна и красива, как полет птицы...»